

Л.И. Довнар

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ
В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСА
ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ

Общеизвестно утверждение, что историк имеет дело с фактами. Однако, пространство исторической науки формировалось, в основном, да и возникло благодаря именно письменным источникам, в которых зафиксированы те или иные факты, являющиеся в свою очередь только отражением событий, их следами. Правомерно утверждение Алексея Мельникова, что «пространство исторической науки не фактографическое, а знаковое», а научно-исторические работы – это «субъективная интерпретация субъективных же свидетельств»¹. Любая интерпретация эксплицирует ту или иную исследовательскую конструкцию исторического прошлого. Сложность целостного познания культуры также во многом связана с субъективными упованиями исследователя, которые часто зависят от чисто личных моментов его собственного опыта². Нельзя не отметить и то, что понимание прошлого тесным образом связано с пониманием настоящего и во многом зависит от предвидимого будущего³.

Сегодня мы не говорим о единой и целостной концепции исторического развития книжной культуры Беларуси. Мы говорим о некоторых интерпретациях из ее истории: по отдельным отраслевым направлениям, темам, периодам. Множество интерпретаций носит двойственный характер: как приближения, так и удаления от идентификации. О последнем (удалении от идентификации) свидетельствуют некоторые современные историко-книговедческие и культурологические работы, в первую очередь – учебные. Среди таких работ, входящих в состав, в частности, рекомендуемых источников по соответствующим курсам, содержатся мифотворческие интерпретации, например, о Франциске Скорине, Иване Федорове, Петре Мстиславце, Симеоне Полоцком, Илье Копиевиче и др.⁴ Еще Георгий Голенченко отмечал, что за столетия существования научной и популярной Скоринианы скопилось значительное количество мифологем, которые, тем не менее, не мешают развитию научных исследований⁵. Однако хотелось бы обратить внимание на то, что отмеченные нами источники представляют учебную книгу, одной из основных задач которой является формирование сознания молодого поколения, его исторической самоидентификации. Так, к примеру, в соответствии с интерпретацией составителей «Истории книги» (под редакцией А.А. Говорова и Т.Г. Куприяновой), возникновение славянского книгопечатания в Литве, Украине и Беларуси было связано с Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем⁶. Что же касается белорусского первопечатника Франциска Скорины, то его личность никак не идентифицируется с Беларусью либо Великим княжеством Литовским. Дословно: «В 1516 г. в Праге открылась славянская типография, которую основал ученый-медик, выпускник Краковского университета Франциск Скорина» (?!)⁷. В главе 13 «Книга в России в XVII веке», приводя данные, что «в 1679 г. была создана царская типография С. Полоцкого», авторы опять не считают нужным указать, откуда же «прибыл в Москву» Симеон Полоцкий «по приглашению царя Алексея Михайловича в качестве учителя царских детей», признавая, однако, что «книги С. Полоцкого оказали важное влияние на формирование мировоззрения молодого поколения царедворцев, воспитали в них реформаторские взгляды, проявившиеся в начале следующего XVIII столетия»⁸. Более чем скромно представлена и деятельность еще одного уроженца белорусской земли Ильи Копиевича: в издании – И. Копиев-

ский⁹. Не вводя в образовательный процесс известные научные факты, составители учебников, таким образом, создают заведомо неполную конструкцию, вольно или невольно, ограничивая широту и открытость мира книжной культуры. Не избавлены от подобных интерпретаций и некоторые другие учебные пособия, изучая которые, белорусы могут безвозвратно удалиться от своей собственной идентификации.

На уровне построения национальной (либо этнической) конструкции книжной культуры исследователь выходит в область дискурса идентификации, представленной в первую очередь письмом и языком, которые выступают определителями и индикаторами книжной культуры¹⁰.

Изменения, которые происходили в письме и языке книги Беларуси, свидетельствовали о политических, идеологических, религиозных, культурных приоритетах в то или иное время, составляющих основу формирования общественного сознания. Шесть веков книжной культуры Беларуси – XI–XVI вв. – это несомненный приоритет кириллической графики, церковнославянского и старобелорусского языков, отражавших следование традициям православной книжности Киевской Руси. Сегодня в мире сохранилась, как отмечает Юрий Лабынцев, около четырех тысяч экземпляров всех изданий кириллического шрифта XV–XVI вв., половину из которых составляют белорусские¹¹. Пространство книжной культуры Беларуси не было закрытым, о чем свидетельствуют как переводы книг, так и их создание на других языках: латинском, польском, еврейском, тюркском; использование различной графики: латиницы, кириллицы, греческого и арабского шрифта. В общем потоке издательского репертуара книг Беларуси уже до 1596 г. большую часть (количественную) составляют издания на польском и латинском языках, четверть – на «славенской» і старабеларускай мовах, па адной на грэчаскай і італьянскай¹². Однако белорусская кириллическая печатная продукция, как отмечает Ю. Лабынцев, во многом богаче, представлена тысячами авторов, произведений самых разнообразных жанров и форм¹³. Эпоха Возрождения, принесяшая значительные изменения в книжную культуру Европы, стала и для Беларуси золотым веком в развитии ее книжности, следовавшей гуманистическим идеям (Ф. Скорина, С. Будный, В. Тяпинский и др.).

Полиэтнический и поликонфессиональный состав населения на территории Беларуси в ранний период становления нации (время Великого княжества Литовского) расширял и разнообразил книжную культуру Беларуси, одновременно придавая разнотнической книге и определенные региональные или национальные (сегодня можно было бы сказать – белорусские) черты, что отражалось в формировании особых типов книг (в оформлении, содержании), как например, *Хамаил* – рукописный сборник белорусских татар, латинографические рукописные сборники на белорусском языке, издания Ф. Скорины, П. Мстиславца, Мамоничей, Виленского братства и др.

Вторая половина XVI–XVIII в., время интенсивного польского и западного влияния, результаты которого в XVII–XVIII вв. свидетельствовали не столько об упадке в истории старопечатной кириллической книги Беларуси, сколько об активном латино- и польскоязычном книгоиздании. Если мы обратимся к истории народов Европы эпохи Просвещения, то заметим, что это было время разделения культур высшего и низшего классов. Каждый из классов в прямом смысле слова говорил на *своем* языке. Книжным языком являлся, в основном, язык двора (королевского, царского), например, в Речи Посполитой – польский и латинский (доминировал и на территории Беларуси), в России – французский¹⁴. Хотя интерес к народной культуре и включение текстов на народных языках в издания постепенно возвращаются (напр., белорусские польскоязычные интермедии XVIII в.).

Однако открытость пространства книжной культуры Беларуси может интерпретироваться, что также правомерно, как незащищенное от иноязычной экспансии, составлявшей основу идеологии и политики как Речи Посполитой, так и Российской империи. Изменение формы (письма и языка) могло повлечь и утрату собственной идентификации. И в ряде интерпретаций истории книги Беларуси конца XVII–XVIII вв. можно найти тому подтверждение, когда это время считалось временем упадка белорусской книжности. Однако интенсивное польско- и латиноязычное книгоиздание на территории Беларуси, белорусское авторство, содержание произведений, тем не менее, не позволяют отметить это книжное наследие, а рассматривать его в общеевропейском контексте.

Конец XVIII–XIX в. – время активных нациотворческих процессов у ряда колониально зависимых народов, в которых нема-

ловажную роль играла и печать на национальных языках (для Беларуси – начало XX в., когда произошло не только возрождение, но и активное распространение кириллической печати)¹⁵. На протяжении XIX в. шел эволюционный поиск определения той или иной формы белорусского языка: польско-латинской или русской. В первой половине XIX в. (до 1864 г.), когда в книгоиздании Беларуси преобладающее положение занимал польский язык, появляются и первые издания на белорусском языке (латиницей). Несмотря на интенсивный процесс русификации во второй половине XIX – начале XX в. и преобладание русскоязычной книги в общем издательском репертуаре Беларуси, статус белорусского наречия или говора (в Российской империи) эволюционирует до языка (вопреки непризнанию), используя для своего выражения разные формы (с преобладанием кириллической). Решающую роль в этом процессе, несомненно, сыграло возникновение национальной печати (газета «Наша Нива») и книгоиздания (белорусские издательства в С.-Петербурге, Вильне, Минске), ставших уникальным феноменом не только нобилитации белорусского языка, литературы, книги, культуры, но и белорусской нации. В целом за период существования Беларуси в составе Российской империи белорусскоязычные книжные издания составили по нашим подсчетам около 7% от всего репертуара изданий Беларуси. Однако и русскоязычные, и издания на других языках Беларуси этого периода представляют белорусскую книгу – по авторскому составу, местной тематике в содержании. В общем же потоке изданий Российской империи книги Беларуси – это соответственно очень незначительный процент. Основной книжной продукцией, активно распространяемой на территории Беларуси, были петербургские и московские издания. В изучении белорусской книги периода Российской империи также требуется целостный и комплексный подход, чтобы избежать таких интерпретаций, которые, например, связаны с распространенным мнением о запрещении белорусского языка. Принятие подобного царского указа было бы одновременно и признанием белорусского языка, однако такого не случилось.

Представление и анализ издательской продукции периода БССР также имеют различные интерпретации, созданные, в основном, еще в советский период. Одновременно требуется новое переосмысление, связанное, к примеру, с отражением идеологической и национальной политики. Для сравнения: средний по-

казатель изданий на белорусском языке в БССР в 1921–1940 гг. составлял 58,2%; в 1945–1990 гг. – 30,1%. Белорусскую книгу презентует миру и белорусская эмиграция, что является еще одним направлением исследований книжной культуры¹⁶.

Глубина идентификации (до индивидуального уровня текста – письмо–графика – и контекста – язык–содержание), зависит от исследовательских целей и дает широкую возможность для очередных неоднократных и различных интерпретаций и идентификаций (графических, языковых, авторских, региональных, содержательных). На наш взгляд, идентификация должна представлять сущностную и постоянную форму дискурса в эволюции книги и книжной культуры. Это подтверждается и теоретическими обоснованиями понятия «белорусская книга»¹⁷.

Единство разнообразия дифференцированных идентификаций белорусской книги, как, например, *письмо* (кириллическая, латинская, арабская графика), *язык* (церковнославянский, старобелорусский, латинский, польский, белорусский, русский, еврейский, тюркский и др.), *авторство*: текстов и оформления (русины, литвины, белорусы и др.), *место создания* (не только этническая территория) – путь к наиболее соответствующим интерпретациям. Они позволяют конструировать историю книжной культуры, которая отражает причинно-следственные связи между различными явлениями в развитии общества, социума (например, наука, религия, образование, политика, идеология и т.д.).

Готовые аксиомы либо мифы и различные авторско-идеологические интерпретации с колониальным или постколониальным синдромом только уводят от решения проблем национальной книжной культуры.

В современном книгоиздательском потоке республики белорусскоязычная книга составляет всего 7% (!?)¹⁸. По этой причине сегодня сложно ответить на вопрос: как живет белорусской книге, одной из уникальнейших составляющих славянского мира, и какие интерпретации национальной книжной культуры могут в связи с этим возникнуть.

¹ Мельнікаў А. З неапублікаванай спадчыны: манаграфіі, артыкулы, вершы, матэрыялы навуковай канферэнцыі, успаміны сучаснікаў. Мінск, 2005. С. 317.

² Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1991. С. 18.

- ³ *Бойцов М.А.* Вперед, к Геродоту! // Историк в поиске: микро- и макроподходы к изучению прошлого. М., 1999. С. 147.
- ⁴ См., например: *Георгиева Т.С.* История русской культуры: уч. пособие. М., 1998. С. 86, 98, 110, 236; История книги: [учебник] / под ред. А.А. Говорова и Т.Г. Куприяновой. М., 2001. С. 62, 126; *Шомакова И.А., Баренбаум И.Е.* Всеобщая история книги: уч. пособие. СПб., 2005. С. 63–65.
- ⁵ *Галенчанка Г.* Проблемныя дакументы Скарыніяны ў кантэксце рэальнай крытыкі // 480 год беларускага кнігадрукавання: матэрыялы Трэціх Скарынаўскіх чытанняў. Мінск, 1998. С. 20. (Беларусіка=Albaruthenica; кн. 9).
- ⁶ История книги: учебник / под ред. А.А. Говорова и Т.Г. Куприяновой. М., 2001. С. 126.
- ⁷ Там же. С. 62.
- ⁸ Там же. С. 133–134.
- ⁹ Там же. С. 144.
- ¹⁰ *Мигонь К.* Письмо и язык как определители и индикаторы книжной культуры // Наука о книге. Традиции и инновации: К 50-летию сборника «Книга. Исследования и материалы»: материалы XII Междунар. науч. конф. по проблемам книговедения (Москва, 28–30 апреля 2009 г.): В 4 ч. М., 2009. Ч. 1. С. 490–491.
- ¹¹ *Лабынцаў Ю.* Пачатак Скарынам. Беларуская друкаваная літаратура эпохі Рэнесансу / пер. з рускамоўн. арыг. С. Шупы. Мінск, 1990. С. 261.
- ¹² Там же. С. 246–247.
- ¹³ Там же. С. 249.
- ¹⁴ *Бэрк П.* Народная культура Эўропы ранняга Новага часу / пер. з англ. І. Ганецкай; пад рэд. А. Ліса. Мінск, 1999. С. 302–309.
- ¹⁵ *Довнар Л.* Роль Вільні в возроджэнні беларускай пэчаты в пачатку ХХ стагоддзя: ідэйныя і персанальныя сувязі // Кнуготуга. Vilnius, 2009. Т. 52. С. 197–210.
- ¹⁶ *Герасимов В., Довнар Л.* Наследие белорусской эмиграции в современной печати Беларуси и зарубежья // Кнуготуга. Vilnius, 2008. Т. 50. С. 158–187.
- ¹⁷ *Лявончыкаў В.Е.* Беларуская кніга: падыходы да вызначэння зместу і аб'ёму паянця // Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры: зб. навук. арт. Мінск, 2006. Ч. 1. С. 13–19.
- ¹⁸ *Доўнар Л.І.* Кнігавыдавецкая дзейнасць Мінска ў кантэксце сучасных тэндэнцый развіцця кніжнай справы Беларусі // Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры: зб. навук. арт. Мінск, 2008. Вып. 2. С. 203.